

Глава 9. Младший брат Сун ревнует?

Взгляд Цюй Фэйи, обычно глубокий и пронзительный, сейчас казался скованным льдом, в нём застыла мрачная тень. Он скомкал в кулаке обрывок лotosового листа, в который была завернута запеченная рыба, и, процедив сквозь зубы, выплюнул:

— Старший брат, неужели я во всём хуже этого никчёмного выскочки?

Почувствовав, что дело пахнет керосином, Ху Цяньцю решил ретироваться, пока гнев парня не перекинулся на него. Он бросился к реке и одним махом нырнул в поток. Однако не успел он проплыть и пары метров, как его свела резкая, невыносимая судорога в икре. Лиса, прожившего на свете тысячу лет, предательски потянуло ко дну. Он то всплывал, то снова уходил под воду, захлёбываясь и беспомощно барахтаясь.

«Как говорится, сколько по берегу ни ходи, а ноги всё равно замочишь», — мелькнуло в голове. Кто бы мог подумать, что тысячелетний лис-демон потерпит такое позорное фиаско в обычной речке.

В тот момент, когда он уже начал окончательно тонуть, кто-то подхватил его мощной рукой и вытолкнул на поверхность. Бай Чжигэ дотащил его до берега, подхватил на руки и стремительно понес к костру.

— Старший брат! Я и вправду хочу стать твоим спутником на пути самосовершенствования! — донеслось со стороны Цюй Фэйи.

Бай Чжигэ лишь коротко бросил:

— Жизнь человека важнее.

Он принялся ритмично давить на грудь Ху Цяньцю. Тот, едва Чжигэ собрался влить в него жизненную энергию через дыхание, натужно закашлялся и выплюнул фонтан воды.

— Правая нога... свело! — простонал Ху.

Бай Чжигэ без лишних слов задрал его штанину и принялся с силой растирать задеревеневшую мышцу.

Ху Цяньцю поймал на себе полный ненависти взгляд Цюй Фэйи и понял: дело дрянь. Он-то всего лишь хотел избежать неловкой сцены и переждать в воде, но кто ж знал, что это смертное тело так боится холода? В итоге всё вышло боком — будто он нарочно разыграл спектакль, чтобы Бай Чжигэ бросился его спасать, выставляя напоказ свою «особенную близость».

— Старший брат Цюй, всё совсем не так, как ты думаешь! — попытался он оправдаться.

Тот лишь холодно хмыкнул и с явным отвращением вытер руки, испачканные в рыбьих костях.

— Если уж Старший брат так говорит, то и объяснять нечего. В конце концов, свет клином на нём не сошёлся!

Развернувшись, он зашагал в сторону густого леса и вскоре бесследно растворился в ночной тишине.

— Эй! Брат Цюй!

Бай Чжигэ бросил Ху Цяньцю его вещи.

— Не кричи, он привык быть один. Живо переодевайся, не хватало ещё, чтобы ты снова простудился.

Ху Цяньцю прижал к себе сверток, заметив, что Бай Чжигэ помрачнел. «Они повздорили, а виноват опять я? Если жалеешь о его уходе — иди и догоняй! К чему эти мины?» — ворчал он про себя. Будь у него кто-то, кто так его любит, Ху Цяньцю стоило бы лишь пальцем поманить, и он бы уже попался на крючок. Но увы, всю свою сознательную жизнь он либо творил добрые дела, либо спал. У него никогда не было ни привязанностей, ни подобных сцен ссоры.

Глубокой ночью Ху Цяньцю, сладко зевнув, открыл глаза. Его душа всё ещё хранила лисьи повадки: он обожал охотиться на демонов по ночам, а с рассветом возвращаться в логово и заваливаться спать. Дневное солнце было для него скорее скучной забавой, чем необходимостью.

Он подбросил дров в костер и уставился на пляшущее пламя. Стало нестерпимо скучно. Он покосился на Бай Чжигэ, который спал, привалившись спиной к стволу дерева. Тот крепко сжимал в руках свой Меч Сокровенного Грома, даже во сне не теряя бдительности.

Ху Цяньцю осторожно, дюйм за дюймом, подполз поближе. Тихо позвал его по имени. Убедившись, что Бай не реагирует, он выудил из своего мешка кисть, послунявил кончик и принялся с упоением рисовать на лице спящего... потешных черепашек.

«Этот Бай Чжигэ вечно меня изводит, — думал лис. — Так что пара черепах на щеках — вполне справедливая месть. Неужели он окажется настолько мелочным, что завтра потребует отчёта? Да не может быть».

Любуясь делом своих рук — по одной кособокой черепашке на каждой щеке, — Ху Цяньцю, вполне довольный собой, отполз обратно на свое место. Обняв мешок, он мгновенно провалился в безмятежный сон.

Бай Чжигэ, прислушиваясь к его ровному и спокойному дыханию, медленно открыл глаза.

Он не раз слышал от учеников, решивших вместе идти по пути Дао, что если кто-то постоянно тебя «поддразнивает», но при этом явно симпатизирует — это и есть взаимное зарождение чувств.

Вспомнив, как Ху Цяньцю прыгнул в реку, тем самым вынудив Цюй Фэйи уйти, Бай решил, что парень просто проверял, какое место занимает в его сердце.

«Может... он и вправду меня любит?»

Утром первый луч солнца прорезал густую листву, а тени, похожие на белесый туман, заскользили по земле. Птица на ветке испуганно вспорхнула и улетела, услышав протяжный, сонный зевок снизу.

Ху Цяньцю разбудил дивный аромат еды. Вчера из-за незваного гостя он едва успел проглотить полманты, и теперь желудок требовал своего.

Бай Чжигэ знал, что тот не жалуется черствый хлеб, поэтому на рассвете ходил к реке за рыбой и креветками. Креветок он оставил специально для Ху, а рыбу разделил с двумя другими младшими братьями.

Ху Цяньцю радостно помчался к реке умыться. Наклонившись над водой, он увидел свое отражение: на его собственном лице тоже красовались черепахи!

— Бай Чжигэ! Да как ты смеешь издеваться над своим Дедушкой Лисом!

Он вернулся к костру злой как чёрт, а Бай Чжигэ, само воплощение благородства, с нескрываемым интересом вертел в руках шампур с жареными креветками. Он лукаво прищурился:

— Младший брат Сун, если будешь просто стоять и хлопать глазами, твои товарищи всё съедят.

— Бай Чжигэ, вот наемся — и тогда мы с тобой поквитаемся!

Двое других учеников, напуганные событиями последних дней, сидели тише воды, ниже травы, уткнувшись в свою рыбу. Раньше они считали Старшего брата холодным и неприступным идеалом, а некоторые даже ставили на то, что он до конца дней останется одиночкой.

Святые угодники! Кто бы мог подумать, что Старшего брата приберет к рукам какой-то едва вступивший в школу юнец? Да он даже в лице переменялся — раньше бы он и пальцем не пошевелил, чтобы жарить рыбу для младших.

«Холодный принц» растаял на глазах.

После завтрака Бай Чжигэ и Ху Цяньцю снова сели на одну лошадь. Ху, вредный как истинный лис, то и дело пихал Бая локтем, заставляя того поминутно повторять слово «ребячество». Двое младших братьев, ехавших позади, предпочли бы ослепнуть, лишь бы не видеть этих любовных заигрываний.

Около полудня они добрались до деревень в окрестностях города Фуань. Ху Цяньцю издали окинул взглядом поселение. Не здесь ли жил тот молодой книжник? Би Цзыхуа хоть и был невыносимым болтуном, человек он был редкой доброты.

Но стоило им въехать в деревню, как повеяло густым, удушливым запахом крови, смешанным с вонью разложения. Бай Чжигэ мгновенно обнажил Меч Сокровенного Грома и пошел первым, заслоня собой остальных.

Ху Цяньцю присел, рассматривая засохшие багровые пятна на каменной мостовой. Следы пяти пальцев, вцепившихся в камни, тянулись через всю улицу к темному переулку. Было ясно: перед смертью этот человек отчаянно боролся за жизнь.

Он с болью покачал седой головой, сжал кулаки, подавляя ярость, и тихо произнес:

— В деревне не осталось живых.

Он поднялся, оглядываясь.

— Следов боя нет. Похоже на внезапный набег стаи демонов. Учеников Школы Летящих Бессмертных здесь в тот момент, скорее всего, не было.

Бай Чжигэ крепче сжал рукоять меча. Его лицо исказилось от скорби, он медленно закрыл глаза.

— Если бы я очнулся раньше... Если бы поспешил вниз... они бы не... не погибли!

Ху Цяньцю, с тех пор как обрел сознание на пути самосовершенствования, видел слишком много смертей. Он думал, что давно стал равнодушен к уходу смертных, но видя бесчинства демонов последних лет, понимал: это больше не личные обиды или месть. Это была бойня.

Даже ему казалось, что если стереть этих тварей в порошок, этого будет мало, чтобы искупить

пролитую кровь. Демоны явно действовали сообща, оставляя за собой лишь реки крови и ни единой живой души. Это было противно самой природе небес.

Ху Цяньцю положил руку на плечо Бая, пытаясь утешить его:

— Не ищи причины в себе, в этом нет твоей вины. Людей в мире миллионы, и у каждого — свой путь. Возможно, им суждено было пройти через это испытание. Ты не божество, вершащее судьбы, и не в твоих силах изменить предначертанное смертным.

Бай Чжигэ открыл глаза — они были налиты кровью. Сквозь зубы он прохрипел:

— Клянусь, я, Бай Чжигэ, истреблю всех демонов в подлунном мире. Я верну людям покой.

— Да, мир обязательно наступит. Но прежде нужно предать тела земле, чтобы не допустить мора.

Они закрыли лица платками и принялись переносить тела в центр деревни. Трупов было великое множество — целая гора. Большинство погибли от одного удара, на многих остались следы зубов зверей — зрелище не для слабонервных.

Они натаскали соломы и дров. Когда вспыхнуло пламя, черный густой дым повалил на юг, подхваченный северным ветром. Всего сто две жизни.

Ху Цяньцю не нашел среди погибших своего знакомого, Би Цзыхуа. Дом книжника когда-то разнесла та самая ласка-демон, так что он, скорее всего, перебрался в другое место еще до набега. Правду говорят: дуракам везёт.

Ху опустился на землю, скрестив ноги, закрыл глаза и начал читать Мантру Перерождения. Перед глазами невольно всплыла его прошлая жизнь.

Пусть Бай Чжигэ и лишил его жизни, и в сердце ещё тлела обида, но лис понимал: он не сможет просто так отнять жизнь у другого. Будь он иным, Бай Чжигэ давно бы уже погиб тысячу раз.

Он смутно помнил времена, когда был совсем юн, едва обрел разум и еще не умел принимать человеческий облик.

Вырастил его и отпустил на волю старый рыбак. Его слова Ху помнил до сих пор:

«Доброта — это высшая любовь в мире людей, иначе ты бы не вырос таким здоровяком! Давно бы охотник шкуру с тебя спустил ради наживы», — старик ласково трепал его по голове. — «Малыш, ради пропитания можно лишиться жизни, но никогда не убивай невинных. Эх, да что

толку... всё равно ты не поймешь».

Ху Цяньцю тогда с грустью расстался с рыбаком и ушел в глухие леса. Прошли тысячи лет, след того старика давно затерялся в веках, но лис очень хотел бы сказать ему сейчас: «Я всё понял».

Души замученных людей превратились в мириады золотистых искр. Обиды угасли, и они, примирившись со своей участью, развеялись по ветру.

Ху Цяньцю открыл глаза и увидел Бай Чжигэ. Тот сидел на корточках под старым деревом и складывал друг на друга три гладких речных камня величиной с кулак.

— Бай Чжигэ, что ты делаешь?

— Поминаю друга.

Он с глубочайшим почтением поклонился каменной пирамидке. Ху Цяньцю не знал, о ком идет речь, но из уважения к покойному тоже поклонился.

— Бедняга твой друг. Даже приличной могилы у него нет.

Бай Чжигэ положил перед камнями мантию и начал рассказывать:

— По правде говоря, мы были знакомы всего час. Он был лисом-демоном и погиб от этого самого меча. Я убил его своими руками.

Бай Чжигэ так сильно вцепился в кору дерева, что костяшки побелели. Ху Цяньцю видел его искреннее раскаяние. «Он действительно плачет от горя?»

Бай пресек его путь к бессмертию, но, как говорил сам Ху, судьба каждого уже записана в небесных книгах. Всё, что случилось, было предрешиено.

Будучи по натуре добрым лисом, Ху Цяньцю похлопал его по плечу:

— Если он видит тебя оттуда и знает, что это была роковая случайность, он обязательно тебя простит.

Правда, «надгробие» выглядело донельзя жалко, и Ху Цяньцю пренебрежительно поморщился.

— Через несколько дней будет седьмой день с его кончины... Тогда я помяну его как следует.

Когда с останками было покончено, четверка отправилась к следующему поселению. У Ху Цяньцю пропало всякое желание шутить, всю дорогу он ехал молча.

Его терзали сомнения. Школа Летящих Бессмертных уже разослала учеников для патрулирования, и здесь должны были находиться дозорные. В случае нападения они обязаны были подать сигнал, но здесь не нашли ни тел учеников, ни малейших следов их пребывания.

Куда же делся Шоу И?

Бай Чжигэ, вглядываясь в очертания далеких деревень, хмурился. Его мысли явно занимало то же самое.

— Надеюсь, Шоу И и остальные еще живы...

<http://bllate.org/book/17498/1709452>